

ЛИТЕРАТУРА ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

И.Ю. КОТИН

Доктор исторических наук
МАЭ РАН (Кунсткамера,
Санкт-Петербург), СПбГУ

Ключевые слова: литература индийской диаспоры, Великобритания, Индия

С давних пор, оказываясь за пределами Индии в поисках лучшей доли, индийцы создавали песни, другие произведения устного жанра, отражавшие печальный опыт тяжелого подневольного труда в колониях (*кангани** и *нарак***). Однако эти многочисленные песни, сказания, другие следы «устной истории», «устного творчества» еще предстоит найти и собрать исследователям. Более определенно о литературе индийской диаспоры можно говорить в связи с распространением средневековой эпической поэмы на *авадхи* «Рамачаритаманаса» Тулсидаса¹ - переложения санскритской «Рамаяны» и примыкающей к ней поэмы о подвигах спутника Рамы - божественной обезьяны Ханумана - «Ханумана-чалиса». Это еще собственно индийские тексты, получившие распространение и в диаспоре. Письменное же творчество, создание собственно литературы индийской диаспоры раньше всего началось в «сахарных колониях» Англии - в Вест-Индии и Фиджи.

Образ плантационной жизни - *митха хун* - «сладкая кровь». Сахар дает «сахарным колониям» жизнь и закрепощает в «сладком плене» плантационных рабочих-индийцев, а порой - несет болезнь и смерть тем, кто этот сахар производит, и кто его поглощает. Эта тема звучит в произведениях **Сэмюэля Сельвона** «Тростник горек» (1957) и **Дэйвида Дейбидина** «Песня раба» (1984, на материале фольклора). Редкое описание жизни плантационного рабочего, в бараках близ посадок сахарного тростника, дано в мемуарах **Тотарама Санадхья**, прибывшего на Фиджи в 1893 г. на корабле «Джамна» и 21 год проведшего на острове, - сначала в качестве рабочего, затем ставшего фермером, и наконец, священником, - и вернувшегося в 1914 г. в Индию. Это жизнеописание опубликовано на *хинди* в 1994 г. под названием «История проклятой улицы».

В книге описаны ужасы коммунальной жизни в тесных «проклятых» бараках. Говорится в ней и о вечерах за *хуккой* (кальяном) в своеобразном клубе-притоне «Хануман-дхока» (букв. «Кабачок Ханумана»), и о публичном чтении «Рамаяны» («Рамачаритаманаса») среди рабочих-индусов. Исследовавший роман литературовед Виджай Мишра замечает: «В тексте («Рамаяны») есть, конечно, все, что созвучно рабочему по гирмиту (соглашению, от англ. «agreement». - *И.К.*): 14 лет изгнания эпического героя Рамы, испытания в черном лесу Дандак, кража его жены демоном Раваной. Наконец, возвращение в мифическую Айодхью»².

* *Кангани* - подневольный труд по контракту.

** *Нарак* (яз. хинди), букв. - ад.

В этих и других произведениях звучит тема родины. В стихотворении на *хинди* индо-маврикийца **Сомдатта Бухори** Индия представляется автору маленькой деревушкой в его родном Бихаре:

*Индия,
Прежде всего,
Для нас, бихарцев,
С севера
Представляется
Маленькой деревенькой.*

Собранные и опубликованные в 1985 г. воспоминания индийцев Тринидада под названием «Натюр-морт» (*The Still Life*), содержат те же темы: адский труд и адские условия жизни, тоска по родине, мечта о возвращении, страх перед неизвестностью и опасностями, с которыми связано это возвращение.

В 1940-е - 1950-е гг. на Тринидаде, в Суринаме, Гайяне появляются произведения индийцев, пробившихся в ряды местной элиты, как правило, журналистов, адвокатов, врачей, учителей. Эти индийцы нередко были христианами, часто получали образование в протестантских миссионерских школах. Они не слишком склонны критиковать социум, в котором нашли свое место. Второе поколение индийской интеллигенции уже заявляет о себе громче, обыгрывая местные «колониальные» сюжеты, но, замыкаясь на них, обращается и к теме исторической родины. Пример такого выхода в мировую литературу - литератор и писатель во втором поколении, лауреат Нобелевской премии в области литературы **Видьядхар Сураджпрасад Найпол**.

В.С.Найпол родился на Тринидаде в городе Чагуанас в семье индийского *брахмана*. Предки Найпола были родом из Соединенных Провинций. Отец писателя работал в газете «Тринидад Гардиан» и сам занимался писательским трудом, хотя при жизни не получил читательского признания. По настоянию отца Найпол уехал учиться в Оксфорд. Тринидадское правительство предоставило талантливому молодому человеку из влиятельной индусской семьи стипендию. По завершении учебы в Оксфорде В.С.Найпол стал сотрудничать с различными газетами и выбрал писательское ремесло. При этом он поддерживал связи с родиной, много путешествовал, а жил преимущественно в Англии.

Славу Найполу принес роман «Дом для мистера Бисваса»³, в котором, как и в книге «Мистический массажист» (*Mystic Masseuse*, 1957), рассказывается о поиске индо-тринидадцами своей идентичности. Оставшаяся без кормильца семья Бисвас не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами. Ей

помогают близкие и дальние родственники - единственная опора в Тринидаде, разделенном между индо-тринидадцами и афро-тринидадцами.

Найпол напоминает нам об одной из главных тем литературы индийцев зарубежья - «мифе о возвращении». Вот что он пишет в романе «Дом для мистера Бисвас» об индо-тринидадцах: «Они постоянно говорили о возвращении в Индию, но когда возникала такая возможность, многие отказывались, пугаясь неизвестности, боясь лишиться уже привычной временности своего здесь пребывания»⁴.

Итак, Индия. Это та Индия, в которую постоянно стремятся, но в которую не возвращаются. Это та Индия, которую, по словам Тагора, «каждый индиец берет с собой». Это та Индия, которую, по словам Найпола, индийцы, привозя с собой, «расстилают перед собой, словно ковер».

Примечательно, что герои Найпола следуют путями южноазиатской диаспоры. Действующее лицо романа «Поворот реки» (*A Bend of River*, 1979), мусульманин Салим, открывает магазинчик в африканском городке на берегу реки, где-то в Уганде или Кении. Салим добивается успеха в своем скромном бизнесе, но ему не достичь большего в африканской стране, где индийцам - «азиатам» - отведена роль людей второго сорта.

В.С.Найпол уже давно проживает в Англии, олицетворяя судьбу многих индо-тринидадцев. Рожденный в семье индийских иммигрантов в Вест-Индии, он, ощущая себя «человеком просто» и «гражданином мира», сохраняет память о своих индийских корнях.

Авторы т.н. «старой диаспоры» - т.е. потомки законтрактованных рабочих, привезенных в «сахарные колонии» Англии - Фиджи, Маврикий, Тринидад, а также в Гайяну, - пишут как на стандартном хинди, так и на его региональных вариантах - *фиджи-хинди*, *сарнами* (*хиндустани*), основанных на диалектах *майтхили*, *бходжпури* и др., на креольском английском и на *патуа* - креольских языках, основанных на языке французских поселенцев.

На фиджийском хинди написана повесть индо-фиджийца тамильского происхождения **Субрамани**, названная им «Даука Пурана» («История Дауки»)». «Даука пурана» - это история путешествий, в т.ч. и паломничества, индо-фиджийца с говорящим именем Фиджи Лал. Фиджи для рассказчика - это маленькая Индия со своими индусскими святынями и кастовыми требованиями. Рассказчик и главный герой, Фиджи Лал, повествует, среди прочих, об истории семьи индо-фиджийца Калу, для которого важны как индийская, так и кастовая идентификация. Калу гордо носит звание *раджпута*, т.е. представителя высокой воинской страги, и добивается, чтобы даже породнившийся с семьей «белый» сотрудник миротворческих сил приехал в дом за своей невестой - дочерью Калу - на коне, с обнаженной саблей, согласно кастовым традициям, предписывающим определенное поведение жениха во время брачной церемонии.

С конца XIX в. Северная Америка стала предметом мечтаний многих индийцев, жаждавших улучшить свое материальное положение и не видевших перспектив такого улучшения в Индии. При этом некоторая поверхностность американского лоска при сохранении индийской натуры нередко была

темой для юмористических произведений индийских авторов. Одна из наиболее известных новелл на эту тему принадлежит классику литературы *урду* **Кришану Чандру** «По рупии цветков»⁶. Приехавший из Америки индиец глуп, надменен, привязан к вещам. Такими «благополучными» людьми чаяли стать многие выходцы с индийского субконтинента.

Приезд индийцев в Северную Америку стал массовым только после 1961 г. Возникновение большой и влиятельной общины - *амрики деши* - породило весьма богатую индо-американскую литературу на английском языке, создаваемую как американцами индийского происхождения, так и индийцами, побывавшими в США и вернувшимися на родину. Один из таких интересных романов, «Наследство разоренных»⁷, принадлежит перу **Кирана Десаи**.

Действие романа происходит как в глухом пригималайском местечке близ непальской границы, так и в Америке, куда отправился за лучшей долей сын главной героини. Молодой человек, Биджу, чудом попал в Америку после настоящей осады и штурма американского консульства сотнями искателей лучшей доли. Однако, не имея средств к существованию, Биджу не обрел легкого счастья. Ему пришлось работать в итальянском ресторане, китайской закусочной, индийском вегетарианском кафе. В конце концов, Биджу лишился и такой работы. На последние накопления он покупает билет домой. Все его покупки по дороге домой достаются грабителям. Не осуществилась не только его «великая американская мечта», но и более скромная мечта о накоплениях на «черный день», всегда ожидаемый на родине, - под угрозой. «Черный день» наступил - на родине - беспорядки. А удастся ли сохранить остаток накоплений, спрятанных им, - вопрос, на который автор не дает ответ. Но Киран Десаи не только рассказывает «американскую сагу» Биджу. Яркими мазками автор рисует картину диаспоры, увиденную его героем. «Биджу уже успел узнать, как во всем мире относятся к его соотечественникам...»:

«В Танзании, если бы могли, выкинули бы их вон, как сделали в Уганде.

На Мадагаскаре, если бы могли, выкинули бы их вон.

В Нигерии, если бы могли, выкинули бы их вон.

На Фиджи, кабы могли, выкинули бы их.

В Китае их ненавидели.

В Гонконге.

В Германии.

В Италии.

В Японии.

На Гуаме.

В Сингапуре.

В Бирме.

В Южной Африке.

Их не любят.

Гваделупа? Любят их там?

Нет!»⁸

Непросто индийцам и в Англии, бывшей колониальной метрополией, стране с крупнейшей и разнообразной индийской диаспорой - целой серией «малых Индий». Индийцы - слуги, *сипаи* и *айи-няньки*, впервые оказались на Альбионе вместе с «набобами» - англичанами-нуворишами. Образ Индии в Британии

неотделим от образа *Раджа** - британской власти в Южной Азии, сказочно богатой, но по-восточному неоткровенной, коварной, коррумпированной и развращенной, времени успеха, славы и богатства. А между тем, индийцы, приезжающие в Англию, видят такой богатый, но развратный и развращающий Вавилон в Англии. Не исключение - «Лондон-Вавилондон», описанный Салманом Рушди.

Салман Рушди - британский писатель индийского происхождения. Его роман «Сатанинские стихи» получил бурные отклики во всей Южной Азии, в Иране, в арабском мире. Мастер пера, признанный новеллист и публицист, лауреат самой престижной в Англии премии Букера за литературное творчество, автор нашумевших романов «Гримус», «Дети полуночи», «Стыд», Салман Рушди на пике популярности опубликовал в 1988 г. книгу, которая не могла не вызвать критики, споров, возмущения среди мусульман мира и скандальной славы⁹.

Роман «Сатанинские стихи» представляет собой стилизацию под характерную для литератур Индии и арабского Востока «обрамленную повесть» - длинное повествование с одним основным и бесконечным множеством дополнительных сюжетов. Все комментарии соглашаются с тем, что роман Рушди содержит сатиру на пророка Мухаммеда и Коран. Имя пророка прямо не называется, но высмеиваемый в «Сатанинских стихах» Махаунд очень напоминает пророка Мухаммеда. Роман содержит также сатиру на имама Хомейни. Однако первые негативные оценки на книгу пришли не из Ирана, а из Индии, и касались они именно использования вымышленного имени Махаунд, созвучного английскому *my hound* (моя собака).

Описанный Рушди «Вавилондон» - «город видимый. Но не видный» - через десятилетие после выхода романа уже обрел как минимум два четко выраженных, видимых и отмеченных индийскими «знаками-символами» района - Саутхолл («Маленький Пенджаб») на западе Лондона и улица Брик Лейн - «Маленькая Бенгалия» на востоке, в историческом районе проживания иммигрантов - Ист-Энде. Нестандартно англо-бенгальский автор **Моника Али** назвала свой роман «Брик Лейн»¹⁰.

За этот роман Моника Али была удостоена премии Букера. В романе дана картина жизни мультикультурного района Лондона Тауэр Хэмлетс и особенно - его бангладешского анклава на улице Брик лейн. В основе сюжета - описание жизни двух сестер, одна из которых живет в Бангладеш, а другая - в Лондоне, поскольку выдана замуж за ослепшего там бенгальца.

Увиденная главной героиней Брик Лейн - это улица с надписями на *бенгали*, индийскими ресторанами, мечетями, рынками, полными одетых в хиджабы домохозяйек, молодых безработных парней, готовых идти на митинги и творить погромы от безделья, но во имя какой-либо красивой идеи. Это и кусок Англии, и часть Бангладеш (шире - Южной Азии, исторической Индии), и пересечение путей всех народов, иммигрантский рай и иммигрантский ад.

Литература индийской диаспоры неразрывно связана со страной происхождения - исторической Индией. Даже если историческая родина проклинается или

умышленно игнорируется тем или иным героем, он неотделим от нее. Эта незримая, но глубокая связь персонифицирована в героине романа Салмана Рушди «Клоун Шалимар». Её «назвали Индия. Свое имя она не любила. Где это слышано, чтобы людям давали такие имена... Так или иначе, но имя Индия не подходило ей никоим образом. Оно было экзотично, колониально и с претензией на принадлежность к чуждой ей реальности, и она внушала себе постоянно, что для нее оно совсем не годится. Она не желала ассоциаций ни с простором, ни с необычностью поведения, темпераментностью, ни с перенаселенностью; не хотела быть ни древней, ни шумной, ни таинственной, избави боже. Ни за что не желала иметь отношение к стране третьего мира. Совсем наоборот»¹¹.

Да, именно так, отталкиваясь и дистанцируясь от прошлого, покинутой родины, индийская диаспора, тем не менее, не становится органичной частью мира, который ее принял. Точнее, став неразличимой частью этого мира, диаспора перестает существовать. Пока же - она есть и плодотворно создает свою литературу. Эта литература в значительной степени англоязычна, но и на индийских языках создаются поэмы, романы, автобиографическая проза. Как замечает российский литературовед Г.В.Стрелкова, на Маврикии, например, «есть много писателей хинди, пишущих в разных жанрах (от лирической поэзии до сатирических романов)»¹².

Интересны попытки писателей *хинди* обратиться к индийской читательской аудитории в Великобритании. Отметим, что там языковая ситуация весьма специфична. Больше половины выходцев из Южной Азии там - *урду*-говорящие и *бенгали*-говорящие мусульмане. Более полумиллиона *пенджаби*-язычных британцев понимают *хинди*, но лишь меньше половины их - индусы, которые признают и почитают *хинди*. Своих детей *пенджаби*-язычные индусы обучают *хинди*, но для молодежи - это уже язык узкого круга родни и семьи в огромном англоязычном мире, имеющем свою богатую литературу. Тем не менее, литература *хинди* в Великобритании существует во многом благодаря небольшой группе интеллектуалов - профессоров, журналистов, правительственных служащих и, не в последнюю очередь, - уже известных писателей *хинди*, перебравшихся на Альбион, но рассчитывающих на более широкую - собственно индийскую аудиторию.

Российский востоковед, большой знаток литературы индийской диаспоры, Л.А.Васильева называет некоторых из них. Это: Уша Варма, Падмеш Гупта, Дивья Матхур, Уша Радже, Теджендр Шарма, К.Ч.Махан, Шейла Агрвал, Кадамбари Мехта, Махендар Девсар Дипак, Гоутам Сачдев¹³. Отметим также, что слова на *хинди*, *урду*, *пенджаби* звучат в стихотворных композициях на английском, составляя порой до трети лексики поэтических произведений таких авторов, как, например **Далджит Награ**.

Недавно этот талантливый британский автор индийского происхождения опубликовал свое переложение на английский язык индийской эпической поэмы «Рамаяна». Тема разлуки с родиной, надежды на возвращение, звучащая в частях «Рамаяны», посвященных годам, проведенным богом-героем Рамой в изгнании, по-прежнему оказывается понятна и близка индийцам в диаспоре, создавшим свой «миф о возвращении».

* *Радж* (яз. хинди) - «правление». Вошло и в индийский английский в значении «Британское правление в Индии».

¹ *Tulsi Das*. Рамачаритаманаса (Море подвигов Рамы). На яз. авадхи. Матхура. 1980.

² *Misra V.* Voices from the Diaspora // The Encyclopedia of the Indian Diaspora. Singapore. 2006. P. 120-139.

³ *Naipaul V.S.* A House for Mr. Biswas. London, Andre Deutsch. 1961.

⁴ *Mustafa F. V.S.* Naipul. 1995. P. 70.

⁵ *Subramani.* Dauka Puran. New Delhi, Star Publications, 2001. Название «пурана» ассоциируется с классическими индуистскими религиозными текстами мифологического содержания, букв. «истории». Слово «даука» означает помощника, подручного. Здесь «даука» - прозвище главного героя книги Фиджи Лала.

⁶ На яз. урду: Амрика се вапас аневала хиндустани (Индиец из Америки) // Ек рупайа, ек пхул. Лахор, 1960.

⁷ *Desai Kiran.* The Inheritance of Loss. New Delhi, Pinguin // Viking, 2006. Перевод на рус. яз. Ю.Балаяна см.: *Десаи К.* Наследство разоренных. СПб, Амфора. 2007.

⁸ *Десаи К.* Указ. соч. С. 113-114.

⁹ См.: *Калишников Е.* Феномен Салмана Рушди. М., Русский Двор. 2009.

¹⁰ См.: *Али М.* Брик Лейн. Перевод Е.Скрыловой. М., Росмэн-Пресс. 2005.

¹¹ *Рушди С.* Клоун Шалимар. Перевод Е.К.Бросалиной. СПб, Амфора. 2008. С. 14.

¹² *Стрелкова Г.С.* Хинди за границей: состояние и перспективы // Восток-Ориен. 2004. № 3. С. 164-167.

¹³ *Васильева Л.* Литература хинди в Великобритании // Азия и Африка сегодня. 2007. № 1. С. 57-59.

ИНДОНЕЗИЯ. МОРЕ В ПОЭЗИИ ИСБЕДИ СТИАВАНА

Ключевые слова: Индонезия, Исбеди Стиаван, поэзия

Исбеди Стиаван (р. 1958 г.) - известный у себя на родине индонезийский писатель, поэт и публицист. Родился и живет в Южной Суматре. В настоящее время работает в редакции газеты «Лампунг Пост». Его стихи, прозаические произведения, очерки публиковались в национальных средствах массовой информации и в отдельных печатных изданиях.

Родина Исбеди Стиавана - портовый город, и море - фон его творческой жизни. Море, берег, волна, лодка, причал, маяк... Это ключевые образы многих стихов Исбеди. Он так и сообщает о себе читателям в стихотворении «Ожидающий мужчина»¹:

*На побережье я родился.
Считать на море корабли
Давно я, с детства,
пристрастился.
Они маячили вдали...*

В 2006 г. Исбеди выпустил поэтический сборник «Лодка на молитвенном коврике»². В стихах первой части сборника - «Лодка» поэт ассоциирует себя, свою судьбу с этой водной стихией. Одно из его поистине программных стихотворений так и называется «Море рождается в моем теле».

*Рождается море во мне...
Лицо твоё скрылось во мгле.
Божественен облик чела.
Лицо твоё ночь унесла,
Его вспоминаю я вновь.
Но где же твой берег, любовь?
Ты громом меня назови
Твоей пережатной волны.*

Образ моря, по сути, доминиру-

Ю.И. НОСКОВ

ет в поэзии Исбеди Стиавана. Еще одно стихотворение «Лодка покидает берег»:

*Лишь на просторе морском
Я берега понимаю.
С лодкой сольюсь целиком
И ураганы встречаю...
О, повелитель морей!
Силы добавь мне скорей!
Ты спишься мне, море, ночами...*

В 2007 г. поэт издал сборник «Последнее море»³. В своих стихах он воспекает море как физическую и духовную стихию. Как лодка, которая любит причал, как волна, без усталости стремящаяся к берегу, так и Исбеди связан с «морскими» образами и фантазиями, в которые он погружается. Поэту хочется познать всё, что способно открыть великую тайну воды. В стихотворении из этого сборника «Я еще не знаком с цветом берега» он признается:

*На берег много раз ступая,
Что берег чувствует, не знаю...*

Поэт словно слился с морем душой... Он думает о море, говорит о нем. В прощальном послании к своей матери «Теперь я понимаю» сравнивает себя с лодкой⁴:

*Хочу я, мама, на твои колени
Сесть словно лодка
На морскую мель.
А вечность все разводит наши
тени.*

*И маминого голоса свирель
Звучит все удаленней...*

Но при всей своей любви к водной стихии поэт стремится предупредить людей о том, что она может приносить и беды, напоминает, что надо понимать природу моря. Он вспоминает о цунами, погубившем некогда сотни тысяч жителей его страны.

*...И сегодня с угрозой цунами,
Моисей, появись в новый век...
Я хочу, чтобы Ной вместе с нами
До беды приготовил ковчег.
Поплывем через город без знаков,
По полям, по лесам, между гор.
В завтра путь - избавленья
от страхов.
Жизнь - ты смерти наперекор!
(«Иное событие, связанное
с морем»⁵)*

Исбеди показывает, как разрушавшееся море, иные стихийные бедствия и природные катаклизмы приносят страдания людям.

*Пожалуй, не могли
представить мы:
Весь город погрузился в море.
Надежда - на ковчег среди вод
и тьмы.
Спасет ли Ной, минует ли
нас горе?..
(«Поездка»⁶)*

Всё в стихах И.Стиавана ассоциируется с морем. И даже дом на суше кажется ему лодкой, плывущей по морю жизни, а смерть он видит где-то там, за водным горизонтом. Поэт обращается к образу смерти в «Очерке»⁷. И опять звучат морские мотивы:

*Близок вечер. Блестит
серебристый закат...
Ты пришла. Удивительно это!*